

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 588.986

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980Correo
Central B.
Argentina

INTERES GENERAL

AÑO X

Buenos Aires, Jueves, 3 de julio de 1958

Буэнос Айрес, четверг 3 июля 1958 года

№ 441

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

87. ЗАПУТАВШИСЬ В ПРОТИВОРЕЧИЯХ СОБСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ, ХРУЩЕВ ОПЕРИРУЕТ АРГУМЕНТАМИ СВОИХ ПОВЕРЖЕННЫХ ПРОТИВНИКОВ И НЕВОЛЬНО РЕАБИЛИТИРУЕТ ДАЖЕ БЕРИЮ И АБАКУМОВА. — СОВЕЩАНИЕ СТРАН УЧАСТНИЦ ВОЕННОГО ПАКТА В ВАРШАВЕ. — ТРАГЕДИЯ НАШЕЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ. — ЦЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРОФ. ВОРОНИНА. — СТАТЬЯ ЧЕКИСТА СЕРОВА И СМЕРТЬ ЛИТОВСКОГО ПАЛАЧА ДИДЖЮЛИСА.

Уже в прошлых моих статьях мне приходилось отмечать, как Хрущев бесстыдно повторяет аргументы своих противников, которых он свертг по обвинению в партийной ереси; в его устах их доводы становятся сразу партийной догмой.

Так, он обвинял Маленкова в стремлении развить в первую очередь легкую промышленность, а после его ссылки он теперь не перестает повторять, что первой его задачей является увеличение выпуска товаров широкого потребления. Сначала он обвинял того же Маленкова в возражениях против оголтелого увлечения “целиной”, а теперь сам твердит, что нечего надеяться на урожай целины, а надо поднять сельское хозяйство в черноземных областях России, которых он сам лишил рабочей силы и лучшего машино-тракторного парка, посылая их на прославленную свою целину. Сначала он критиковал неверие Маленкова в его обещания поднять животноводство и перегнать Соед. Штаты по выпуску мяса, молока, масла и увеличить производство кожи и тканей, а теперь он вопит, что только какой-то сказочный подъем химической промышленности позволит снабдить население искусственными материалами и искусственной кожей для обуви и кожанок — излюбленного вида верхней одежды провинциальных коммунистов.

То же происходит и в области внешней политики: его предостерегал Молотов от поездки на поклон к Тито, но в поисках дешевых лавров в своей якобы “новой” внешней политике Хрущев отправился в Белград и признал, что Сталин был неправ в своем разрыве с Тито; последнего якобы оклеветали враги народа Берия и Абакумов, которым, видимо, безгранично верил не один лишь Сталин, но и все его присные, включая каявшихся на Белградском аэродроме перед Тито Хрущева и угодливо молчавшего Булганина.

Теперь сталинцы берут снова перевес при поддержке Мао-Тзе, который уже влияет на решения Кремля, и поэтому Хрущеву приходится то грозить, то лебезит перед Тито, ибо полный с ним разрыв означал бы, что Хрущев вел два года неправильную политику ухаживания за Тито и теперь решил пойти по тому пути, на который его толкал сосланный за несогласие с ним в далекую Монголию Молотов.

На Майском пленуме ЦК, официально посвященном химической промышленности, Хрущеву удалось отвергнуть предложение Сулова и Поселова о немедленном разрыве с Тито, рассчитывая, что это побудит Тито пойти на пересмотр своей политики. Хрущев и Ворошилов даже послали ему любезные телеграммы ко дню рождения, но и это не помогло. Югославские коммунисты продолжают заявлять, что

“строят социализм” по-своему, а не по хрущевской указке.

Потом сообщили, что Ворошилов не поедет в Югославию, но и это Тито не напугало. Затем объявили, что СССР отказывает Югославии в обещанных кредитах и прекращает поставки промышленного оборудования, против чего Югославия резко протестовала, обвиняя СССР в невыполнении принятых на себя по международному договору обязательств. При этом было ехидно отмечено, что СССР таким образом показал лживость своих заявлений, что оказывает экономическую помощь без всяких политических требований, которые ставят Соед. Штаты. Но Соед. Штаты помогали Югославии, не требуя политического подчинения, а СССР прекращает обещанные по договору поставки при наличии малейших “идеологических расхождений” и неповиновения Москве.

Тогда Хрущев решил самолично выступить против неблагодарного Тито, который своим поведением подрывает авторитет Хрущева в Кремле, и отправился для этого сам на Седьмой съезд болгарской коммунистической партии через два часа после отъезда из Москвы своего почетного гостя президента Финляндии Кекконена, которого он со всей своей шайкой подхалимски провожал на Внуковском аэродроме. Своей поездкой в Софию Хрущев лишил себя удовольствия пресмыкаться еще перед одной приглашенной им в Москву королевской четой. 4-го июня московская печать поместила большие портреты прибывающих в Москву 38-летнего короля Непала Малендра Бар Бикрам Дева и его юной супруги королевы Ратны Раджини Лакшми Дези Шах, которых вместо Хрущева принимают Козлов, Микоян, Ворошилов и Кириченко. Никогда еще в Москве не видели столь частых королевских посещений, как в эпоху сталинских эпигонов.

Хрущев взял с собой в Болгарию члена ЦК и первого секретаря компартии Молдавии Зиновия Тимофеевича Сердюка; это хитрый украинец, вступивший в партию всего 15 лет назад и державший в страхе нового премьера этой опереточной республики молдаванина Александра Филипповича Диордицу и старого председателя ее Верховного Совета Ивана Сергеевича Кодицу (тот в партии уже 31 год). В случае разрыва с Югославией, Сердюку придется руководить на месте нелегальной переборской в Югославии всяких “подрывников” титовского режима. Затем почему-то поехали с Хрущевым первый секретарь Курского обкома Леонид Николаевич Ефремов (партиец с 1941 г. из бывших партизан), зав. отделом ЦК по сателлитам Юрий Владимирович Андронов (бывший посол СССР в Венгрии во дни венгерской революции) и, конечно, посол СССР в Болгарии 52-летний Юрий Кондратьевич Приходов.

Огромный Туpoleвский самолет АНТ не мог спутиться на Софийском аэродроме и пришлось поэтому спуститься

на самом большом болгарском аэродроме в Пловдиве и там пересесть на более скромный Ил-14, который привез гостей на Софийский аэродром. С Хрущевым вместе вышли в Софии из самолета встречавшие их в Пловдиве секретари ЦК болгарской компартии Тодор Живков и Димитр Ганев и премьер Антон Югов (бывший чекист). Здесь в Софии их встретили другие члены политбюро, в том числе зять Дмитрова жестокий Вылко Червенков, снятый с руководства компартией, как “сталинец”, и теперь интригующий против Живкова, как сторонник полного разрыва с Тито, в жертву которому он был принесен в прошлом Хрущевым.

Хрущев возложил венки на памятник Дмитрову, потом на памятник бойцам советской армии, присутствовал на митинге и на самом съезде выступил только на второй день после отчетного доклада Живкова. Его речь, полная всяких комплиментов по адресу болгарских коммунистов, во главе с Живковым (из чего ясно, что тот успел ему угодить его не заменят Червенковым, как этого хотели лютые сталинцы), и болгарскому правительству во главе с Юговым он большую часть длинной речи посвятил полемике против Тито. Он упрекнул Тито в том, что тот хочет строить социализм “получая подачки от империалистических стран”. Поэтому Тито теперь “не до развития марксистско-ленинской теории”. Ведь если империалисты помогают Тито, то, значит, они рассчитывают, что этим они приносят вред коммунизму, ибо при ненависти против коммунистического движения американцы “дают Тито льготные кредиты и бесплатные подачки”. Поэтому американцы “утверждают, что Тито стоит на правильной позиции, а мы отступаем от марксизма-ленинизма”. Затем при общем смехе Хрущев напомнил слова Бебеля: “если враг тебя хвалит, то подумай, какую глупость ты сделал!”

После всяких истерических заверений об единстве между всеми сателлитами СССР, Хрущев прямо сравнил Югославию с “Троянским конем”, при помощи которого западные империалисты рассчитывают разрушить коммунистический блок.

Затем Хрущев стал излагать перед болгарскими партийными вожаками историю взаимоотношений между компартиями СССР и Югославии. Начав с елейных воспоминаний об общей борьбе против фашизма в годы войны, он напомнил, что Югославия приняла участие в создании Коминформа, центр которого находился в Белграде, и заявил, что Коминформ “на определенном этапе сыграл положительную роль”. Резолюция 1948 г. с осуждением Югославии “была в основном правильной и отвечала интересам революционного движения”. Этим заявлением Хрущев признал правильную политику Сталина, которую он так яростно критиковал на 20-ом съезде. Выходит, прав был Сталин, критикуя югославскую компартию и не был прав Хрущев, говоря на своем же партсъезде об ошибках Сталина в отношении Тито. Далее, якобы в ходе борьбы были допущены ошибки, которые нанесли ущерб общему делу. Кто же делал ошибки: Тито или Сталин? Если даже признать, что оба ошибались, то, во всяком случае, солгал Хрущев, когда говорил на Земунском аэродроме, при первом приезде в Белград, что Тито был во всем прав и его, бедного, оклеветали враги народа Берия и Абакумов.

Теперь Хрущев подло прибегает к аргументам расстрелянных им Берии и Абакумова, обвиняя Тито в противодействии решениям Коминформа, его осудившим. Конечно, на такие аргументы

Хрущев пустился потому, что ему надо было показать, что не он настаивал на примирении с Тито ценой публичного ошельмования своих прежних господ Сталина и Берия и верного их холопа Абакумова, близкого в то время друга Хрущева и всей ликвидированной им шайки Маленкова, Молотова и Кагановича. Затем Хрущев хвастает тем, что СССР всячески старался “ликвидировать конфликт” и уверяет, что в ходе белградских переговоров в мае-июне 1955 года Тито сам ему “предложил не ворошить прошлое, начать отношения на новой основе”. При этом он умалчивает о том, что эта “новая основа” предусматривала полное равноправие между КПСС и Титовским “Союзом Коммунистов”, что привело к неповиновению Тито в период венгерского восстания. Хрущев продолжает свою речь жалобами на то, что “во время контрреволюционного мятежа в Будапеште югославское посольство стало центром для тех, кто поднял борьбу против народно-демократического строя, прибежищем для капитулянтской предательской группы Наджи-Лашонци. Вспомните беспрецедентную речь Тито в Пуле, в которой были взяты под защиту мятежники в Венгрии, а братская помощь СССР венгерскому народу называлась советской интервенцией, речь, в которой содержались прямые призывы к определенным силам в других социалистических странах следовать так называемому “югославскому курсу”.

В этом рассказе Хрущева есть доля правды. Тито надеялся в то время, что Запад активно поддержит повстанцев, которые не капитулируют перед войсками генерала Малинина, а тогда восстание перекинулось бы в Чехословакию и в Польшу под флагом создания правительств титовского типа, которые были бы независимы от СССР и стояли на равном расстоянии от Москвы и Вашингтона. Трусость американской дипломатии и напугавшее Тито поправление в лагере венгерских коммунистов, наметавших создание правительства Малатера и кардинала Миндсенти, побудили Тито снова повернуть к Москве и подло выдать на расправу Малинина Наджи и его сторонников, о чем Хрущев сейчас не упоминает.

Зато Хрущев говорит о встрече с Тито в Бухаресте в августе 1957 г. (место которой таинственно шифровал тогда — “где-то в Румынии”) и уверяет, что Тито ему обещал поддержать “Декларацию совещания братских партий”, выпущенную в Москве после 40-летия революции, но сам в Москву в ноябре не приехал, а его делегаты отказались ее подписать. Затем он резко критикует новую программу югославских коммунистов и попытку Тито разъединить Хрущева с Мао-Тзе. Забавно его возмущение титовским лозунгом “борьбы за мир”, который разделяют даже поддерживающие Москву “служители культа”. Хрущев требовал от Тито не борьбы за мир, а борьбы за мировую победу социализма — мировую революцию!

Любопытен рассказ Хрущева, как он упрекал Тито в том, что тот не идет в ногу с сателлитами СССР и спросил: должен ли солдат пристраиваться к своей роте или рота должна идти в ногу с солдатом? Возмущенный намеком Хрущева, что Тито должен маршировать в ногу с сателлитами ведомой Хрущевым роты присутствовавший при беседе югославский министр иностранных дел Коча Попович спросил: “Кто рота и кто солдат?” Хрущев не посмел расшифровать свой намек и ответил: “Подумайте сами, но знайте, что не рота пристраивается к солдату, а наоборот. Если вы стоите на другой позиции, то скажите прямо, что вы не солдат этой коммунистической роты, ко-

ЦЕНА НОМЕРА В АРГЕНТИНЕ
\$ 4.50

Н. Потоцкий

НАРОДОПРАВСТВО И МОНАРХИЯ

2

Узкий идейный фанатизм наших доморощенных апологетов народоправства особенно ярко выразился в чрезвычайно интересном признании одного из наиболее добросовестных и либеральных из них, Ив. Хераскова, когда в своей защите идеи демократии он писал (5 тетрадь «Возрождения», 1949 г.): «В стране, лишенной всяких знаков народоправства (читай: при самодержавной монархии. Н.П.), где, по букве закона, не существует никого, кроме «подданных» и над ними стоящей и от них независимой «власти», в лучшем случае (если это хорошая власть) достижимо народное благоденствие и довольство, но подлинно человеческая удовлетворенность и народное счастье недостижимы. В каком-то смысле, народное счастье есть функция демократии, а может быть, и только ее».

Эта узость фанатизма состоит в данном случае в том, что т.г. Херасковы никоим образом не будут удовлетворены в том случае, если их родной народ будет благоденствовать и будет этим доволен; им этого мало: им нужна какая-то особенная «человеческая удовлетворенность». Какого же они низкого мнения о нашем народе, если предполагают, что такой великий народ может благоденствовать и быть доволен, не испытывая при этом «человеческой удовлетворенности», т.е., по видимому, по их мнению удовлетворяться хорошо наполненным желудком, если эта сытость дается ему властью, которая в то же время держит его под сапогом самодержавного произвола! Эти фанатики демократии закрывают глаза на тот факт, что в течение своей тысячелетней истории наш народ имел свои собственные возвышенные национальные идеалы и что — чудное дело! — он всегда связывал эти идеалы почему-то именно с Самодержавной Царской Властью. И вот слепая ненависть к этому Самодержавию, истинной духовной сущности которого самые лучшие из них до сих пор не поняли, приводит к тому, что самые совестливые и честные демократы, вроде Мельгунова и Хераскова, всегда были готовы объединяться и бороться против большевизма в России рука об руку с любыми инакомыслящими, кроме «самодержавников», которые являются в их глазах реакционерами, зубрами и мракобесами. Зная их идеологию, мы можем, следовательно, заключить, что политическое сотрудничество приемлемо для них только с теми, которые признают необходимость зависимости верховной власти (все равно, в республике или в конституционной монархии) от народа, т.е. от свободно выбранных его представителей, образующих парламент, пользующийся законодательными правами. В этом пункте господства демократы непримиримы к сторонникам Самодержавной Монархии не меньше, пожалуй, чем к Хрущеву и его банде, ибо они твердо убеждены, что при такой форме верховной власти наш народ счастлив быть не может — он будет в лучшем случае доволен тем, что будет «сыт и пьян и нос в табаке». И только демократия «в каком-то смысле» и «может быть» (какое типичное демократическое словоблудие!) может дать нашему народу истинное народное счастье!

И вот иногда от самых миролюбивых и даже благожелательно настроенных к нам — просто как к заблуждающимся и политически безграмотным простачкам — приходится слышать вопрос: «но, ведь насколько мы знаем, вы, самодержавники, не отрицаете идею народного представительства? Почему же, однако, вы так упорно не соглашаетесь на предоставление ему права издавать законына ответственное перед ним министерство, на то, чтобы «царь царствовал, но не управлял» и чтобы, тем самым, ответственность за народные судьбы была снята с его плеч и перенесена на плечи самого народа в лице его избранных? Посмотрите, как в западноевропейских ограниченных монархиях народы уважают и любят своих Государей! Между ними и народом не будет никакого бюрократического посредствия, никаких «тайных советников», никаких Распутиных... Монарх будет подлинным слугою своего народа (ведь даже наши Цари смотрели на себя именно так), который будет хозяи-

ном своей страны, распорядителем своих собственных судеб».

Все это, спору нет, звучит очень мило и трогательно, но, при ближайшем рассмотрении, прикрывает весьма неприглядную с моральной точки зрения действительность. Мы же предпочитаем, согласно совету Кузьмы Пруткова, смотреть в корень и, в данном случае, в корень самой сущности верховной власти. Сущность же ее, т.е. самый смысл ее существования, состоит в действительном служении ее общенародным интересам, а ее моральное содержание определяется ее ответственностью за правильное, т.е. отвечающее этим общенародным интересам, выполнение ею этой функции служения. Именно в понимании смысла и значения этого служения и этой ответственности мы, народные монархисты, и расходимся коренным образом с противниками Самодержавной Монархии, которые в этом вопросе проявляют удивительную примитивность политического мышления и обвиняют нас в том, что мы исповедуем деспотическую и давно отжившую форму власти, уцелевшую ныне только в самых культурно отсталых государствах и основанную на полнейшем произволе и личных вожделениях ее носителя. Вот почему, приходится повторить здесь некоторые азбучные для монархистов-самодержавников истины, которых упорно не понимают — или, скорее, делают вид, что не понимают — наши политические противники.

Подобно тому, как служить благосостоянию своей семьи может по-настоящему только глава семейства и полновластный хозяин дома, так и служить общенациональным интересам своей страны может только ее действительный правитель и хозяин всей земли, самодержавный монарх. История и, в особенности, современная жизнь нам красноречиво показывают, что сам народ, при существующих парламентарных формах народного представительства, своим собственным слугою быть не может. В самом деле, главнейшая функция этого служения состоит в верховном арбитраже при столкновении интересов отдельных общественных классов. Этот арбитраж, чтобы быть справедливым и беспристрастным, требует, чтобы арбитр был независимым от этих классов и стоял над ними. Между тем, в современных республиках и ограниченных монархиях носитель верховной власти является либо фактическим ставленником или какой-нибудь политической партии, или какого-либо наиболее сильного социального класса, или какой-нибудь могучей финансовой группы, либо безгласным и послушным исполнителем воли господствующей в парламенте политической партии, которая в свою очередь зависит от одной из вышеперечисленных общественных сил. Таким образом в этих «демократических» режимах верховная власть оказывается служительницей не общенародных, а лишь групповых или классовых интересов, в результате чего сплошь да рядом страдают интересы всего народа или в лучшем случае попираются интересы его, часто чрезвычайно значительного, меньшинства. И где же логика, где правда, если сегодня английский король в своей тронной речи говорит о необходимости национализации крупнейших отраслей промышленности, ибо этого требовала бывшая в этот момент у власти (т.е. обладавшая большинством голосов в парламенте) рабочая партия, а завтра, при пришествии к власти консерваторов, тот же король в очередной тронной речи заявляет о необходимости денационализации тех же видов национальной промышленности? Совершенно ясно, что в одном из этих двух случаев экономическая политика правящей партии не отвечала общенародным интересам, — но монарх оказывается бессильным выступить в качестве подлинного верховного арбитра при этом столкновении интересов рабочих и крупных промышленников. Не яркой ли противоположностью такому жалкому монарху является Самодержавный Государь, который, вопреки тому факту, что в данный момент громадное большинство правящего класса было против освобождения крестьян, и который, совершая это освобождение своею самодержавною властью подвергал самую жизнь свою

опасности, от которой погиб его Царственный Дед, одним росчерком пера уничтожил вековую несправедливость и притом сделал это полностью в общенародных интересах, понимая, что только свободный крестьянин сможет быть основой здоровой экономики всей страны. Эта роль Самодержавного Монарха выступает особенно красноречиво на фоне того весьма мало лестного для «народоправства» факта, что в те же годы в архидемократических Соединенных Штатах Сев. Америки для аналогичного освобождения крепостных рабов (самое появление которых в такой стране было уже позором для идеи демократии) потребовалось несколько лет кровопролитной гражданской войны, и даже президент республики с сильной исполнительной властью оказался бессильным выполнить функцию справедливого верховного арбитража, т.е. послужить общенародному благу.

Исходя из тех соображений, что парламентская система является выражением борьбы классов, что и парламент и даже весь народ (при плебисцитах) могут жестоко ошибаться в отношении своих собственных интересов и что насилие иногда ничтожного большинства над крупным меньшинством является явлением антиморальным и часто крайне вредным для интересов страны в ее целом, мы, монархисты, утверждаем, что сам народ не может быть ни полноценным правителем страны, ни ее полновластным хозяином, и что поэтому понятие народоправства является вной политической фальшивкой, выгодной лишь для немногочисленной группы политиканов-профессионалов. И только Самодержавный Монарх, независимый от парламента, наделенный сильной властью, незаинтересованный ни в каких преходящих политических комбинациях и имеющий в виду благо всей нации и притом не только в данный исторический момент, но и на долгие годы вперед, в состоянии быть настоящим арбитром, настоящим правителем и хозяином всей земли.

Что же касается вопроса об ответственности верховной власти, то тут демократическая фальшивка становится еще яснее. В самом деле, перед кем, собственно говоря, являются ответственными члены парламента в «демократических» странах? Апологеты демократии отвечают: перед своими избирателями, т.е. значит, перед всем народом. Надо обладать большою политической наивностью или искусством политического шулерства, чтобы защищать подобное утверждение. В самом деле, когда депутат голосует в парламенте за или против данного решения вопроса, может ли он быть уверен, что его избиратели голосовали бы в этом вопросе именно так, как голосует он? Или о каком волеизъявлении можно говорить, напр., в тех случаях, когда депутат воздерживается от голосования, показывая этим свое политическое невежество, отсутствие у него нужной компетенции или просто гражданского мужества? И какая ответственность может быть полноценной со стороны министров в парламентских странах, когда мы сплошь да рядом наблюдаем, что, напр., военным министром является вчерашний адвокат, а морским какой-нибудь педагог, даже никогда не бывавший на берегу моря? О какой моральной ответственности можно говорить по адресу, напр., того конституционного монарха, которого его министры заставляют принимать у себя и пожимать руки самых настоящих бандитов и палачей целого народа? И еще принимать от них подарки! И кто является ответственным за злодейские убийства и несказанные мучения доблестных русских солдат и офицеров, выданных представителями страны с 600-летней конституцией мастерам пытки и застенка? И еще клявшимися на Библии, что они их не выдадут!

Вывод ясен: подлинная верховная власть, не может быть ответственной перед носителями «многомятежного человеческого хотения», если она должна стоять на высоте доступной на этом свете общечеловеческой морали и той христианской цивилизации, защитниками которой как раз выставляют себя защитники народоправства. Она может быть ответственной только перед тем Божественным Началом, искра которого заложена в каждой человеческой душе в виде СОВЕСТИ, ограниченной велениями Заветов Христа. Быть подлинным слугою своего народа может только та власть, которая в основу этого служения полагает идеал Божией Правды, который совершенно отсутствует в

катехизисе современных парламентских режимов, где он заменен идеалом удачных комбинаций самых меркантильных и низменных интересов — классовых, имущественных, партийных... Носителем идеала Божией Правды, то есть идеала ультра-духовного, может быть только челоуеческая личность, воспитываемая из поколения в поколение в духе ограничения своей личной воли и своих личных устремлений религиозно-нравственными идеалами. И если мы возьмем, не говоря уже о Государях Московской Руси, наших Самодержавных Императоров, начиная с Павла Первого, то никто не может оспаривать того факта, что они были глубоко верующими людьми, что именно этой верою их самодержавная власть была ограничена неизмеримо сильнее, чем любыми писанными конституциями, и что поэтому говорить об их «деспотизме» просто недобросовестно и свойственно только каким-нибудь духовным фармацевтам вроде Вишняка или Абрамовича. И потому эти Государь не только считали себя, но и действительно были подлинными Хозяевами своей Земли и подлинными слугами своего народа, настоящими верховными арбитрами и притом, даже по признанию таких принципиальных отрицателей Монархии, как соц. рев. Бунаков-Фундаменский, всегда стоявший на стороне интересов трудящихся масс, а не их угнетателей. И не вина этих Монархов, если в историческом процессе развития социальной структуры Русского Государства, на пути их лучших стремлений к устройению всеобщего блага и, в особенности, блага униженных и оскорбленных, становились сословные и имущественные вожделения большинства правящего класса России, или же вырождение национального русского самосознания большинства ее интеллигенции. Вот, почему мы, монархисты-самодержавники, твердо убеждены, что когда, при постройке Нового Русского Дома, эти злосторонние элементы уже сошедшие с исторической сцены (если только не принимать всерьез Союз Дворян), не будут играть никакой роли, и между Царями и Народом не будет никакого ни бюрократического, ни интеллигентского посредства, то единственной формой власти, органически присущей Великой Российской Нации и отвечающей ее державным, духовным и материальным интересам, будет только Самодержавная Народная Монархия, единственно способная в полной мере выполнять свое основное призвание — служения своему народу, за судьбы которого она будет ответственна только перед Богом. Именно это будет та «хорошая» власть, возможность которой вынужден признать «демократ» Херасков и которая, по его же признанию, может дать народу благоденствие и довольство. Если в этом случае народ будет счастлив, не вправе ли мы будем утверждать, что народная воля будет полностью поддерживать Царя и что следовательно Монархия может быть совершенно совместима с идеей народоправства? Разве не подтверждается возможность такой совместимости устами столь авторитетного знатока Русской Истории и Русского народного духа, как В.О.Ключевский, когда он определил сущность Царской Власти в России, как «демократическое самодержавие», и когда он писал о том, что «в России, по ее политической организации, в воле Царя выражается мысль Его народа, и воля народа становится мыслью его Царя»? И в то время, как на нашей Родине эта совместимость подтверждается многочисленными историческими фактами — ибо Русский Народ сам выработал для себя самодержавную форму монархической власти и сам всегда ее поддерживал и восстанавливал, когда она пресекалась, — те же исторические факты, с далекой древности и до наших дней, показывают, что идея «народоправства» есть идея фальшивая сама по себе и никогда не осуществлявшаяся в действительной жизни народов, а замененная ее грубейшими суррогатами и фальсификациями и, главное, бывшая всегда чуждой религиозно-нравственных начал — какая уж там религия и нравственность в парламентских комбинациях и подсчетах голосов!

И вот почему не будучи ни в коем случае врагами идеи народного представительства, мы совершенно отрицаем его построение на основе политических партий и считаем необходимость такой его структуры, когда его членами будут подлинными представители творческой элиты Нации, т.е. делегаты от всех ее

